

Глава 12. Нина Терещенко

Отрадовка - небольшое, пыльное, почти без зелени село Александровского района Ростовской области, расположенное примерно в ста километрах на юго-запад от Ростова и километрах в тридцати от таганрогского залива. Кругом степи, поросшая камышом пойма реки Ея, отдельные островки деревьев, полосы лесопосадок. В центре села - правление колхоза имени Курышко, клуб, памятник героям гражданской войны. Перед правлением площадь, окаймлённая избами. В одной из них, глядевшей на площадь двумя своими окнами, 25 мая 1923 года в семье сельского служащего Георгия Ивановича Терещенко родилась дочь. Назвали её Ниной.

Молодые годы Георгия Ивановича прошли в походах и боях. Сначала на фронтах первой мировой войны, потом гражданской, где ему довелось воевать в дивизии Чапаева. Судьба покровительствовала ему: ни пуля, ни штык не настигли его. Вернувшись в родное село, устроился работать в бухгалтерии колхоза. Родители Георгия Ивановича умерли рано, и на его руках остались три малолетних сестры. Поэтому в жены себе он выбрал девушку из бедной семьи, не красавицу, но зато трудолюбивую, крепкую, выносливую. Звали её Олей. С ранних лет познала она работу на полях и огородах. Трудолюбие, скромность, честность и безграничная доброта сочетались в ней с мужеством и почти мальчишеской отвагой. Любила лошадей, скачки. Редкий парень из их деревни мог обогнать её. Теперь, после замужества, Ольге Федотовне было не до скачек. Отработав от светла допоздна на колхозных полях, она, возвратившись домой, должна была накормить, обстирать многочисленную семью: мужа, трех его сестер, дочь. Кроме того, на её плечах было пусть не очень большое, но доставлявшее столько хлопот хозяйство. Особенно трудно стало ей, когда через три года после рождения Нины родился сын Витя. Георгий Иванович в хозяйственных делах был ей плохим помощником. Все свободное от работы в конторе время он полностью посвящал охоте, страстным любителем которой был с молодых лет. С охоты приносил в основном зайцев. Причем, по воспоминаниям Нины, много зайцев. Кроме них, он каждый раз приносил ей, в то время маленькой девочке, еще и сохранившуюся с охоты черствую корочку хлеба, якобы посланную зайчихой.

Вспоминая отца, Нина постоянно подчёркивала его честность. Рассказывала, что когда в сельпо завезли несколько кроватей и одну из них заведующий сельпо, без ведома Георгия Ивановича,

принес к ним домой для повзрослевшей дочери, он очень рассердился и заставил Ольгу Федотовну отнести её обратно на склад. Был он, по воспоминаниям Нины, очень аккуратным человеком. Сколько помнила, носил одну и ту же вельветовую куртку. Зимой и летом ходил на работу в одних и тех же ботинках. Причем даже в самую ненастную погоду ухитрялся пройти так, что пачкались только подошвы.

*Отрадовка. 1940 год.
Георгий Иванович Терещенко.
Нинин отец*

*Енисейск. 1956 год.
Ольга Федотовна Терещенко
(баба Оля). Нинина мать*

В школу Нина пошла семи лет. В классе была самой маленькой и сидела за первой партой. В шестом классе один из её одноклассников сунул ей в карман записку с признанием в любви. Ольга Федотовна, нашедшая эту записку, крепко всыпала дочери, пообещав, что в следующий раз встанет ей на одну ногу, а за вторую разорвёт на две части. В школе Нина почти по всем предметам имела хорошие оценки, а по геометрии, истории и немецкому языку даже отличные. Только по химии и рисованию её успехи были посредственными.

В сумятице жизни я как-то не удосужился расспросить её о школьных годах, о чем думала, о чем мечтала. Знаю только, что была она до глубины души предана Сталину и сталинскому ЦК, с гордостью носила значок с профилем В.И. Ленина. Беззаветно верила всему, что писалось в газетах и лозунгах, а красная скатерть на столе президиума приводила её в трепет. И хотя колхоз имени Курышко был далеко не из лучших и получала её мать на трудо-

дни ничтожно мало, была убеждена в превосходстве колхозного строя, ненавидела кулаков, подкулачников и вообще всех противников советского строя. Читала, естественно, только идеологически выдержанные произведения советских писателей. Ну и еще произведения нескольких одобренных партией и признанных народными писателей и поэтов. В 1937 году вступила в комсомол. Окончив в том же году семилетнюю школу, хотела продолжить учебу, но отец воспротивился, считая, что для этого у них нет ни

Александровка. 1941 год.

*Нина рядом с военкомом, в окружении комсомольцев
(за 10 дней до начала войны)*

средств, ни возможностей. Это решение отца и она, и Ольга Федотовна переживали очень тяжело.

После школы Нина устроилась сначала делопроизводителем, а потом машинисткой в райкоме комсомола. Жила в селе Александровке - административном центре района. А в это время дома, в Отрадовке, взаимоотношения между родителями стали быстро ухудшаться. Измученная работой на колхозных полях, домашним хозяйством, уходом за тремя сестрами мужа и сыном, Ольга Федотовна не могла поддерживать в доме ту чистоту и уют, о которых мечтал Георгий Иванович. Он раздражался, требовал, чтобы жена заставляла работать его подросших сестер, но именно этого сделать она не могла. И это злило его. Выросший в сравнительно зажиточной семье, в которой мать, не обременённая тяжёлым физическим трудом, обеспечивала порядок и уют, он возмущался, видя разбросанную по комнате одежду, неубранную посуду. Часто конфликты возникали на религиозной почве. Ольга Фе-

дотовна была женщиной богобоязненной, а Георгий Иванович, хотя и не был коммунистом, требовал, чтобы в их доме не было никаких икон. Как вспоминала Нина, однажды он сорвал со стены икону и выбросил её в окно на улицу. Проходившие мимо женщины неистово крестились, а Ольга Федотовна тихо плакала. Незадолго до начала войны Георгий Иванович сошелся с односельчанкой, медсестрой, одинокой, молодой женщиной. У нее он находил чистоту, вкусную еду, покой и ласку. Хотя Нина никогда не осуждала его, но синдром, связанный с мужской неверностью, сохранила надолго.

*Александровка. 1940 год.
Нина в период работы секретарём райкома комсомола*

В 1940 году Нину избрали вторым секретарем райкома комсомола. Её жизнь оказалась насыщенной до предела: руководство пионерскими и комсомольскими организациями, районной молодежной газетой, стенной печатью, клубной работой и, наконец, личное участие в культбригаде. В тот год она познакомилась, а потом подружилась с Колей Покатило, учеником десятого класса, совмещавшим учебу с работой в редакции районной газеты. Вскоре дружба переросла в любовь. Она была частым и желанным гостем в его семье. Сохранилась фотография тех лет, на которой запечатлены Нина и ее тогдашние друзья и подруги. Среди них Коля. На обороте фотографии написано: «Мой Коля

Покатило». Приходилось Нине работать и с призывниками. На фотографии от 12 июня 1941 года (всего за 10 дней до начала войны!) она в группе призывников, совсем юная, рядом с военным, по видимому, военкомом, а вокруг тридцать четыре призывника.

Война! Её начало, вернее, тот день и час, когда она впервые услышала о ней, Нина, в отличие от меня, помнила хорошо. В тот день их культбригада ставила в Отрадовке пьесу «Цыгане», в которой она должна была играть Земфиру. Жизнь рисовалась ей в самых радужных тонах. Она была здорова, у нее было много дру-

зей, ее уважали и молодые и старики, а главное у нее был Коля, которого она любила и который любил её. И еще она любила танцевать, особенно цыганочку, и когда вечером приходила в клуб, с порога начинала кружиться в вальсе. В тот день, выйдя из дома и увидев перед правлением колхоза толпу, ничего не заподозрила, только удивилась: так много народа на их постановки еще никогда не приходило. Однако, подойдя и увидев хмурые лица мужчин, плачущих и причитающих женщин, притихших ребятишек, поняла: Война!

И все разом рухнуло: мечты, надежды, радость утренних пробуждений и вечерних свиданий. Потускнели и потеряли аромат цветы, неслышными стали стрекот кузнечиков и пение птиц. Жизнь заполнили страшные военные сводки, суতোлка призывных пунктов, слезы жен и матерей. Появились первые похоронки, первые раненые, первые беженцы, число которых быстро нарастало. Нину включили в группу, ответственную за их прием и размещение. На её попечении дети. Первые партии беженцев размещали в клубе, конторе. Нина ходила по избам односельчан, собирая для них одежду, еду, а для ребятишек игрушки и книги.

Уже на третий день войны призвали Колю. А еще через несколько дней - отца. Прощаясь, Георгий Иванович сказал: «Две войны я пережил, а с третьей уже не вернусь», - и вспомнилось им с матерью, как выбрасывал он икону, и в тревоге сжались сердца. Потекли дни, полные тревог и ожиданий. От Коли пришло два письма, два солдатских треугольника. В них заверения в любви и верности и ни слова, где он находится и чем занимается. Потом длинный период молчания и вдруг удар: Колины родители получили похоронку, в которой их извещали о гибели сына. Нина почти ежедневно навещала их, горевала вместе с ними, оплакивая свою первую любовь. Когда осенью сорок первого в соответствии с секретным приказом стал формироваться партизанский отряд, она записалась в него вместе с другими членами райкома комсомола. Командиром отряда был назначен председатель райисполкома Фоменко, комиссаром – первый секретарь райкома партии Псаломщиков, начальником разведки - член райкома комсомола Малый. Состоял отряд в основном из мужчин. Женщин было всего четыре: Романцова – член партии с 1919 года, секретарь парторганизации райкома, зав. парткабинетом, Нина и еще две девушки, её подруги, одна из которых жена командира отряда, а вторая - будущая жена комиссара отряда.

Сейчас проблемам партизанской войны посвящена обширная литература. Но в то время такого опыта еще не было, и многие

действия вновь созданного отряда оказались, по меньшей мере, непродуманными. Так, сразу же после получения секретного приказа и создания партизанского отряда начались несекретные, на глазах у жителей Александровки, практические его занятия. В марте 1942 года отряд участвовал в рейде под Таганрог. В нем Нина выполняла обязанности медицинской сестры. И хотя в этой роли она должна была идти в конце отряда с обозом, оказывая помощь нуждающимся, всё время пыталась идти в первых рядах. Эту ее привычку, правда, уже в лагере, я наблюдал не один раз. После возвращения из похода его участникам устроили пышную встречу в селе Маргаритовка, а районная газета напечатала о походе статью, указывая лишь незначительно измененные фамилии. Состав отряда не был секретом ни для кого из жителей района. Вскоре пришла похоронка на Георгия Ивановича. Тяжело раненный в живот, он скончался от ран 12 марта 1942 года и был похоронен в селе Болобенково Петровского района Харьковской области.

Летом 1942 года моторизованные части немецко-фашистской группы армий «Юг» несколькими колоннами прошли по ведущим на юг дорогам Александровского района. Во встречающихся на пути деревнях и селах они ставили своих старост и бургомистров, в основном из числа советских граждан, и шли дальше на Кубань и Северный Кавказ. В Александровке была организована немецкая комендатура. Часть солдат из второго эшелона наступающих войск разместили на постой в ближайших деревнях. Двух из них определили в дом Ольги Федотовны. По её воспоминаниям, они её не обижали, но вели себя по нашим российским меркам не совсем прилично. Не стесняясь «пускали газы», как она выражалась. Свирепствовали в основном полицаи. По чьему-то доносу они пришли к ней искать берданку, с которой Георгий Иванович ходил на охоту. Берданка была хорошо запрятана, и Ольга Федотовна утверждала, что не знает, где именно. Тогда её поставили к стене и стреляли вокруг головы, но она продолжала упорствовать. Берданка, запрятанная в досках двойного потолка, дождалась окончания войны.

Партизанский отряд, о существовании и составе которого знали почти все жители района, с приходом немцев был вынужден уйти в Елизаветинские плавни, скрываясь в трудно проходимых болотах и зарослях камыша. Его деятельность была сильно затруднена. В этих условиях командование отрядом сформировало отдельные группы (по 2-5 человек) и направило их для проведения разведывательной и диверсионной работы по селам района. Ядро

отряда было передислоцировано, а связь с руководителями групп поддерживалась через начальника разведки. Сами группы по своей инициативе выйти на руководство отрядом не могли, ибо не знали, где оно находится.

Романцеву с Ниной направили в Отрадовку. Естественно, что в их маленькой группе решающее слово принадлежало Романцевой, которая была для Нины и старшим партийным товарищем, и командиром. О содержании задания Нина толком ничего не знала. На её вопрос, что же им предстоит делать, Романцева сказала:

– Узнаем, есть ли в деревне немецкие военные, и если есть, то сколько их и в каком они звании.

Перед исполнением задания им было приказано спрятать оружие, а для экстренной связи указан некий Зайцев, лесничий, живущий недалеко от Александровки. В Отрадовку они вошли, когда стемнело. Прошли по пустынным в этот час деревенским улицам, а затем огородами, не выходя на площадь, к нининому дому. Там все спали. Только Ольга Федотовна на кухне готовила корм корове. Приходу гостей не удивилась. Это было не первое такое посещение. Изредка ей приходилось стирать и чинить партизанам бельё. Посидели, пошептались, выяснили, что немцы из Отрадовки ушли, попили чаю и, вздремнув, на рассвете, как и было условлено, отправились к Зайцеву. Шли подсолнухами и перелесками, сторонясь случайных прохожих. Уже совсем рассвело, когда постучали в дверь лесничего. Но он отказался даже разговаривать с ними, заявив, что ничего не знает об отряде и партизанах. Возмущенные таким поведением земляка, они вернулись в подсолнухи, а вечером отправились в балку, куда должен был прийти за ними командир разведки Малый. Без него вернуться в отряд они не могли.

Однако утром к месту явки вместо Малого на коляске подъехал староста Александровки (в прошлом секретарь парторганизации с. Христичево), который, как слышала Нина, дезертировал с Елизаветинских плавней. Романцева, как показалось Нине, появлению старосты не удивилась, и в первый момент Нина даже подумала, что встреча с ним предусматривалась их заданием и что, возможно, староста никакой не предатель, а законспирированный член отряда. Мысль о том, что Романцева может оказаться предателем, в тот момент не приходила ей в голову. Сомнения появились только тогда, когда их привели в немецкую комендатуру, где бургомистром был местный немец Бургарт, знавший всех их. Сначала на допрос к нему увели Романцеву, которая находилась у него очень долго и от которой он получил все интересовавшие его

сведения. Нине это стало ясно после того, как Бургарт назвал такие факты, которые могли быть известны только Романцевой.

Так как Нина, по-видимому, не представляла особого интереса для немецкой комендатуры, получившей необходимые ей сведения от Романцевой, а может быть, и по каким-то другим соображениям, её отпустили. С первых же дней она стала скрываться, но вскоре, после очередной партизанской акции, вместе с еще несколькими односельчанами была схвачена в качестве заложницы. Всем им угрожали смертью. Поместили схваченных в местное КПЗ, где они провели несколько страшных дней и ночей. Романцевой среди них не было. В медленно тянувшейся череде тревожных дней Нина снова и снова возвращалась к тому утру, когда к месту явки вместо Малых подъехал староста. Что могла сделать она, если бы даже знала о предательстве Романцевой? У нее не было оружия, а староста был вооружен. Убежать от него было невозможно. А может быть, Романцева и не виновата вовсе. Может быть, её невозмутимый вид при появлении старосты только маскировка? Как иначе должны были бы вести себя две женщины, присевшие отдохнуть после длинного пути? Но куда она тогда делась? Никто ее больше не видел. Прошел слух, что она в прошлом какая-то знатная дама, чуть ли не графиня - по тогдашним представлениям это должно было все объяснять.

День шел за днем, а немцы не спешили с исполнением угрозы, но и не отменяли её. Спас их дежуривший в комендатуре бывший сотрудник милиции, предоставивший всем им возможность бежать. Нина вспоминала, что когда их выпустили и все побежали в разные стороны, она увидела Ольгу Федотовну, которая приехала за ней на линейке. Потом, до прихода Советской армии, она скрывалась в Отрадовке у местных жителей Зубко и Макаровой. Некоторое время жила за печкой, в узком, как пенал, пространстве, специально для этого отгороженном от комнаты кирпичной кладкой.

Сразу с приходом Советских войск Нину, по единодушному желанию односельчан, выдвинули в комиссию по восстановлению советской власти в Отрадовском сельском совете. Через несколько дней её вызвали в райком комсомола для исполнения своих обязанностей. Во время выборов руководящих комсомольских органов она была единогласно избрана членом пленума и членом бюро райкома комсомола.

В 1944 году первичная парторганизация райкома партии приняла Нину кандидатом в члены партии. Рекомендовали её Фоменко и Псаломщиков, самые влиятельные в то время люди в районе.

На парткомиссии всплыл вопрос об их с Романцевой походе в Отрадовку. Отвечая на вопрос членов комиссии, почему он не пришел к обусловленному месту встречи, Малый ответил, что руководство отрядом уже знало об измене Романцевой, и он не имел права ради одной Нины рисковать остальными товарищами.

– Откуда мы могли знать, что у вас за спиной нет немцев, - сказал он с легким раздражением, повернувшись к Нине.

Через несколько дней, когда Нина зашла по служебному делу в его кабинет, Малый, в то время второй секретарь райкома партии, повел себя по отношению к ней, как девушке, оскорбительно, за что она дала ему пощечину и пообещала обо всем рассказать его жене, с которой была дружна. Разозлённый, он прохрипел:

– Ах, вот ты какая, ну будешь меня помнить!

Прошло четыре дня. Нина, собираясь в клуб на танцы, надела свое любимое серое платье, так гармонировавшее с цветом ее глаз. Взяла свою чёрную лакированную сумочку. В ней комсомольский билет и кандидатская карточка. В этот момент прибежал рассыльный и сказал, что её срочно вызывают в райком. Ничего не подозревая, как была, в праздничной одежде, с хорошим настроением, она открыла дверь кабинета секретаря райкома... Там и закончилась её вольная жизнь. При аресте у Нины отобрали комсомольский билет, который она бережно хранила все месяцы оккупации, и учетную карточку. Обвинена она была в сотрудничестве с немцами, в том, что дала им сведения об отряде. В показаниях Малого следствию говорилось, что он, якобы, приходил на место явки, но Романцевой с Ниной там не было. Нина стала просить очную ставку с Малым и Романцевой. Но ей в этом отказали. В течение двухмесячного следствия ни один человек, кроме Малого, не дал порочащих её показаний.

Военный трибунал города Ростова не нашел возможным судить ее по представленным материалам, и её дело было передано Особому Совещанию. Так началась её жизнь по другую сторону колючей проволоки. И тогда, и многие десятилетия спустя она в случившемся винила только Малого, да, возможно, отчасти следователя, который отказал ей в очных ставках. Ее любовь и преданность Родине, партии, Великому Сталину не были поколеблены. Уверен, что, минуй её эта чаша, она ни за что не поверила бы в существование того мира, в котором так неожиданно оказалась.

В Соликамскую пересылку Нина прибыла в декабре 1944 года, не зная ни статьи, ни срока. С решением Особого Совещания её ознакомили только летом, уже в Кушмангортском ОЛПе. В таком неопределённом состоянии в те годы были многие заключённые.

И в этом у них было некоторое преимущество перед нами, ибо сохранялась надежда, а иногда даже уверенность, что все случившееся ошибка, что вот-вот придет бумага и их освободят. Многие из них даже держались иначе, чем мы, считая, что раз нет ни статьи, ни срока, то они вроде бы и не заключённые. Наивные, они не понимали, не хотели понимать, что каждому оказавшемуся по внутреннюю сторону тюремных ворот и колючей проволоки срок обеспечен. Но лагерное начальство, надзиратели это хорошо знали и относились к ним соответственно, не отличая от нас, полностью оформленных лагерников.

По ночам, лежа на жестких нарах, Нина снова и снова мысленно возвращалась к тем злосчастным дням, когда, хоронясь в лесопосадках, они с Романцевой ждали появления Малого. «Почему он не пришел? Действительно ли в отряде знали о предательстве Романцевой. Но почему тогда отправили в разведку? И что такого особого могла сообщить Романцева об отряде? Ведь он практически распался и перестал существовать. А Малый мерзавец, - думала она. - Во всем виноват он один, только он. Так отомстить и за что? Ведь я дружила с его женой! Как он мог позволить себе такое да еще в партийном кабинете? Какой же он коммунист после этого. А я тоже хороша. Ведь знала, чувствовала, как он относится ко мне, и терпела его глупые шуточки, похлопывания. А может быть, надо было стерпеть, уступить? И все бы обошлось, продолжала бы выполнять любимую работу. А что теперь?

Волна отчаяния накатывалась на нее. Она плакала молча, чтобы не заметила соседка, богомольная старушка, настойчиво убеждавшая её смирить гордыню, положиться на Бога. Но она не могла, так как верила не в Бога, а в Партию. Особенно не нравились и даже пугали осторожные намёки старушки на то, что в бедах многих окружавших её в лагере людей виновата именно партия, и, страшно подумать, ей даже показалось, что, говоря о нечистой силе, она подразумевала самого Иосифа Виссарионовича, столько сделавшего для простых людей, для победы. Все эти женщины, лежащие вокруг на нарах, конечно, виноваты. С ней же просто произошла ошибка. Малый оказался плохим коммунистом, в этом вся беда. Затем вспоминались её комсомольские и партийные дела, и, занятая мыслями о них, она засыпала.

Наверное, женщины лучше нас, мужчин, способны устроить свою личную жизнь в необычных, экстремальных условиях. Во всяком случае, анализируя нинины воспоминания, я постоянно ощущал, сколь различно мы с ней входили в лагерную жизнь. Я быстро опустился, перестал следить за собой, а в какой-то период

даже умываться. Больше всего в те первые месяцы мне хотелось лечь, закрыть глаза, не двигаться, ничего не видеть и не слышать и так умереть. У Нины оказалось гораздо больше оптимизма. Её не так мучил голод. Она следила за своей одеждой, чистила её по утрам. Поднимаясь с нар, умывалась и даже чистила зубы. Думаю, что был у неё и кусочек зеркала, и чёрный карандаш для бровей. Судя по рассказам, могла шутить, смеяться. Здесь, на соликамской пересылке, через которую два года до этого прошел и я, Нина познакомилась с Олей - Ольгой Павловной Бутенко, 1923 года рождения, ростовчанкой, осужденной по статье 58-1а на пять лет с последующей ссылкой еще на пять лет. Была Оля очень тихой и незаметной как в поведении, так и в одежде, возможно, даже богобоязненной. Быстро сошлась с такой же, как и у Нины, старушкой, через которую и состоялось их с Олей знакомство и дружба. Эту дружбу они пронесли через весь лагерь и все, последующие после лагеря годы.

После окончания карантина был сформирован этап на Кушмангортский ОЛП. В него попали и Нина с Олей. Шли три дня. В общей колонне мужчины и женщины. Привалы, ночлег на промежуточных лагпунктах, легкий морозец, деревья в сугробах снега. Вокруг колонны цепь конвоиров с автоматами и натасканными на людей свирепыми овчарками. Нина, как когда-то в партизанском рейде под Таганрог, в первом ряду. На ней осеннее пальто и новые, еще не разношенные валенки, их перед отправкой из Ростова передала ей Ольга Федотовна. На голове черный капор. Валенки терли ноги, каждый шаг отдавался болью.

Один из конвоиров, нерусский, с немного раскосыми глазами и смуглым лицом, изъясняясь на плохом русском, посоветовал ей снять валенки и одеть лапти. Он явно симпатизировал ей и пытался завязать разговор, хотя уставом караульной службы это категорически запрещено. Рядом с Ниной молодой, приклатнённый одессит, именно такой, какими их с Олей пугали колповские старушки. Но такой симпатичный и остроумный. А его советы так не похожи на те, которые им давали бывалые лагерницы. Одессит страдал из-за отсутствия курева, и Нина попросила у симпатизирующего ей конвоира папиросу. Выйдя далеко вперед, охранник положил на дорогу камень, а на него самокрутку. Когда этап прибыл наконец на Штабную, один из встречавших, обращаясь к Нине, спросил: «Ну, а ты чего сюда пришла?» - на что Нина со смехом ответила: «Партизанить!»

Разместили их в женском бараке и через несколько дней отправили на лесоповал. Бригадир Лысенко учил их с Олей обращению с двуручной пилой. Все как обычно: снег, огромные сосны, непокорная пила в неумелых и слабых женских руках и сковывающий лицо и руки мороз. Уже на третий день с растертыми и распухшими ногами Нина попала в медпункт, где ей дали освобождение, а еще через несколько дней большинство женщин вновь прибывшего этапа отправили на командировку Трактовая. Здесь была центральная больница, пошивочная и ремонтная мастерские. В больнице ей лечили ноги. Однажды, проходя из барака в столовую, она услышала крики, идущие откуда-то сверху, и не сразу поняла, что это зовут её. Оказалось, её узнал тот самый конвоир, который на дороге из КОЛПа оставил ей самокрутку. Сейчас он, перегнувшись через перила своей вышки, кричал «Нина» и махал рукой. Потом через несколько дней он появился в зоне и принес ей немного хлеба, сахара и

*Кушмангорт. 1947 год.
Ольга Павловна Бутенко*

табака. Вскоре к ней стал проявлять интерес вольнонаемный экспедитор Багиров. Он поддерживал её материально, спасал от общих работ, но настойчиво требовал взаимности. Их отношения развивались в чисто лагерном плане. Встречались они в подсобном помещении столовой, где он как экспедитор был своим человеком. В подтверждение своих чувств он подарил ей настоящие маленькие дамские часики, каких Нина никогда раньше не имела. Чтобы их у нее не отняли, она, застегнув их на руке, сверху забинтовала. В разгар лета пришло извещение: по статье 58-1б Особое Собрание дало ей пять лет ИТЛ с последующей ссылкой еще на пять лет. Она плакала, а Кадыров её успокаивал, говоря, что пять лет это не десять.

Прошло лето. Осенью 1945 года всех трудоспособных женщин отправили с Трактовой на Головную для использования на сплавных работах. Головная в те годы была чисто производственной командировкой. На ней содержались заключенные, работавшие на нижнем складе, куда с лесозаготовительных лагпунктов Кушмангортского ОЛПа по узкоколейной железной дороге свозили заго-

товленную деловую древесину. Здесь, на берегу Камы, специальные бригады грузчиков, ловко орудуя длинными, гибкими баграми, закатывали огромные бревна по лежням на многоярусные штабеля. Потом их клеймили, забеливали торцы, точковали и, составив акты приемки, заполняли строчками чисел толстые бухгалтерские книги. Штабеля тянулись вдоль Камы на протяжении почти двух километров, нависая над ее крутыми берегами. Вся территория нижнего склада со стороны леса была огорожена несколькими рядами колючей проволоки. Со стороны Камы такой изгороди не было. Вместо нее летом, во время сплава, на воде вдоль берега ставили «поплавки» - закрепленные якорями плотики с навесами, на которых размещались охранники. Зимой охрану перемещали на берег. От жилой зоны до рабочей было около трёх километров. В рабочей зоне, помимо штабелей, размещалась сплавная контора, в которой велся учет движения древесины, паровозное депо и водонапорная башня, у которой заправлялись элегантные чехословацкие узкоколейные паровозы фирмы «Шкода».

В жилой зоне располагался женский барак, отгороженный от остальной её части таким же, как и вся зона, частоколом. В нем небольшие ворота. Днем они были открыты. Вечером, после отбоя, закрывались до утра. Барак разгорожен на две половины. В одной из них жили «шоколадницы» - в основном женщины, осужденные по 58-ой статье. Во второй - «турнепщицы» - женщины, осужденные по бытовым статьям. Недалеко от женской зоны располагался конторский барак. В нем кабинет начальника командировки Волченков. Рядом кабинет начальника сплава и технорука командировки Калиновского Аркадия Петровича. Здесь же кабинет нарядчика Руди Давида Андреевича. Дальше, в том же ряду, жилые бараки для работяг, за ними столовая, кухня и хлеборезка. Во втором ряду, расположенном параллельно первому, тоже жилые бараки. В первом из них, посередине, кабинка Калиновского. В этом же ряду санчасть и больница, заведовал которой заключенный врач Александров. За больницей баня и прачечная.

Контингент командировки необычный. Здесь практически не было стариков, доходяг. Их отправляли на Трактовую. Работяги специально подбирались. От их работы в большой степени зависели результаты деятельности всего ОЛПа. Именно здесь, на лагпункте «Головная», заготовленную, трелёванную, вывезенную и штабелёванную древесину принимали приемщики Керчевского сплавного рейда, расположенного в ста километрах ниже по течению Камы. Много внимания уделялось качеству выполняемой работы. Штабеля, как игрушки. Ровные, ствол к стволу, мерцающие

своими белёными торцами. Древесину важно было сдать по возможности более высоким сортом, а если удавалось, то и с превышением кубатуры. В последнем случае все недостатки ложились на баланс Керчевского рейда и списывались на утоп. Но приемщики чужие - ребята с Керчевского рейда, как правило, вольнонаёмные. Кушмангортское начальство старалось их ублажать. Не дай бог кто-нибудь из них заартачится, не примет штабель или примет его ниже сортом. Тогда со своего тёплого места мог полететь даже начальник ОЛПа, не говоря уже о начальниках рангом пониже. И ублажали! Прежде всего, тем, что на сдачу древесины ставили молодых и привлекательных девушек из числа заключённых. Более того, последним разрешали ходить в гражданской одежде и подкрашивать губы. Охране это очень не понравилось. На этой почве между начальником ВОХР Головной Башкирцевым и Калиновским периодически возникали трудно разрешимые конфликты. Однажды взбешённый Башкирцев решил всех женщин отправить на Штабную. В последнюю минуту на санях подъехал Макаренко и завернул всех обратно.

Первые дни пребывания на Головном лагпункте Нина, наверное, не без протекции Багирова, работала при столовой. Мыла посуду, столы, полы. Однажды, когда готовила сцену для вечернего концерта, в столовую вошли начальник культурно-воспитательной части (КВЧ) и руководитель культбригады. На вопрос, что умеет делать, вместо ответа, как была, в рабочей одежде и с тряпкой в руках, отплясала цыганочку. Её зачислили в культбригаду. Несколько раз в ее составе ездила по лагпунктам ОЛПа. Сначала концертная деятельность, такая близкая ее характеру и привычкам, Нине очень нравилась. Её «цыганочка» и «яблочко» пользовались успехом. Временами, выступая на сцене, она забывала, где и почему находится. Казалось, у себя в Отрадовке. Но стоило смолкнуть баяну, а ей повернуться к зрителям, как видение исчезало. Вместо босоногих, загорелых ребятишек, степенных стариков и повязанных платочками старушек в первых рядах - начальник лагпункта, командир ВОХР, старший оперуполномоченный. Все в энкеведешной форме, в погонах с позолотой. Лица сытые, самодовольные, а взгляд холодный, настороженный. Многие с женами и даже с детьми. Дальше, к краям, начальство помельче. И ни одного открытого, приветливого лица. За ними лагерные придурки. И наконец, в глубине в полумраке зала рядовые заключённые.

После концерта ужин. Немножко даже праздничный, на уровне премблюда. Ночлег в каком-нибудь служебном помещении, иногда

даже в бане. Мужчины и женщины. Артистический быт. К ней начал приставать руководитель бригады. Она отказала ему в домогательствах и вскоре вновь оказалась на общих работах. Багирова не было, он переехал в Сопкикомск. Вместе с несколькими женщи-

Лагпункт Головной. 1947 год.

На переднем плане слева направо: Калиновский Аркадий Петрович и Руди Давид Андреевич. Во втором ряду, вторая слева – Ольга Бутенко. В третьем ряду - Нина

реже.

В это-то тяжёлое для Нины время я, ничего не зная о ней, шел на Головной лагпункт на встречу с Лёней. В нескольких шагах за мною, тяжело дыша шел конвоир. Было тепло. По-весеннему светило солнце. Песчаная, разбитая лесовозами дорога почти свободна от снега. Идем по обочине. Под ногами, будто разбухшие вены, узловатые корни деревьев. Стволы величественных сосен золотятся в лучах утреннего солнца. Настроение хорошее. Весь переполнен значимостью своей миссии. Продумываю ходы, которые можно предпринять для решения поставленной задачи. Постепенно мысли мои соскальзывают к личным проблемам Лени. Интересно, какая она эта его Нина? Высокая, низкая, брюнетка или блондинка? Никогда с Лёней мы не говорили на эту тему. Почти то же, что и с Нелей. Размышляя, ускорил шаг. И вдруг резкий окрик:

штабе-
томи-

ужкой
торый
а лег-
лтеру
тинов-
ения,
Нина
дрее-
ыхая.
С пер-
ными
дерз-
ое со-
ерос-
по её
агов
в том
ать с
а всё

- А ну, убавь шаг!

Это конвоир. У него свой резон. Его подняли раньше положенного. Не дав выспаться после ночного дежурства, отправили сопровождать зазнавшегося мальчишку. Будто бы нельзя было отправить с очередным этапом. А то спецконвоем, честь-то какая.

Меня этот окрик вернул на грешную землю и круто изменил ход мыслей.

– А действительно, кто я такой, почему так зазнался?

– Вот я иду, сытый и обутой, переполненный сознанием важности возложенной на меня миссии. А ведь где-то там, на Лесном или Северном, да и вообще в других ОЛПах и командировках тысячи и тысячи измученных и голодных зеков, как я когда-то на Колынке, рубят, пилят и, надрывая жилы, таскают тяжёлые смолистые бревна. Им не до красоты соснового бора, не до женщин, не до интриг лагерных придурков. Над ними довлеет голод и тяжёлый физический труд. Перемены послевоенного времени мало в чем изменили их жизнь. И пусть несколько сократилась смертность, но сколько уже погибло и скольким еще суждено уйти в мир иной от непосильного труда, недоедания и тоски. Как мог я, попав в тепличные условия, забыть об окружающем меня омуте страданий и жестокости?